

29 мая 2012 г.

**X Международная конференция
«Государственное управление в XXI веке:
повестка дня российской власти»**

**Выступление Федорова Евгения Алексеевича, члена комитета по
бюджету и налогам Государственной Думы Федерального собрания РФ:**

Большая благодарность организаторам, которые действительно поставили сегодня ключевой вопрос, потому что, наверное, действительно, для России заканчивается определенный, где-то двадцатилетний цикл развития, и мы сейчас видим, что все общество нуждается в серьезном стратегическом повороте в развитии страны.

И отдельно я бы сказал о речи господина посла. Мне она очень понравилась. Хорошая речь, которая располагает к серьезному дальнейшему сотрудничеству. А это сотрудничество сегодня – это не просто вопрос взаимоотношений двух государств. Мы должны четко говорить, что мир сегодня, все-таки, однополюсен, что его конструкция таким образом организована, хотят того государства или не хотят, что от позиции одной нации зависит жизнь и правила функционирования других наций, о чем, кстати, господин посол очень аккуратно и тактично упомянул. И это правда. Конструкция однополярного мира – это факт.

СССР, кстати, в части своей зоны влияния точно так же влиял на жизнь других стран – Польши, Чехословакии, Венгрии, Кубы, да и многих других. И здесь, в этой аудитории, люди знают и помнят, как работали эти механизмы, и это тоже по большому счету не просто влияние одной страны на другую страну или на другие страны, а это тысячелетний механизм взаимоотношения наций. Я бы его назвал даже тысячелетним механизмом конкуренции наций, потому что и в этом влиянии, и в дружбе все равно реализуются механизмы конкуренции, и от этой конкурентной борьбы, от этих механизмов – раз конкуренция, значит борьба, никуда от нее не уйти. И, конечно, сегодняшний однополярный мир – это тоже форма мировой конкурентной борьбы в этой системе взаимоотношений.

Но в этом случае нам с учетом уже прожитого Российской Федерацией более, чем двадцатилетнего опыта того статуса страны, который мы имеем, надо говорить не только о преимуществах или особенностях, но и об определенных неудобствах этой системы по отношению к России. И когда я занимался, в том числе, и экономической политикой, я рассматривал и эти аспекты. Сегодня о них, может быть, стоит упомянуть.

Мы не можем решать свои проблемы четко и однозначно – абсолютно внутренние – без учета особенностей и технологий однополярного мира. Ну, например, российский рубль. Выпуск пропорционален закупкам. Это по конституции. По закону о центральном банке и международным соглашениям, которые мы приняли, он пропорционален закупкам американского доллара, фунта и евро. Если мы говорим о резервах, то вообще резервов достаточно процентов тридцать при самом неблагоприятном развитии. Понятно, что никогда не произойдет стопроцентного обмена. Это означает, что 70% – это не резервный фонд, а механизм

участия в мировом экономическом спонсорстве. Кстати, к этому на сто процентов примыкает и механизм инвестиций. Значит, без обсуждения переговорной позиции по этому вопросу мы не сможем а) отладить длинные инвестиции в Российской Федерации, б) – я говорю о двадцатилетнем цикле: мы не сможем обеспечить достаточно эффективную работу национальной валюты и соответствующее, достаточно большое количество денег в рамках решения проблемы инфляции и, опять же, проблемы длинного кредитования, и многих других проблем. Значит, этот вопрос надо обсуждать, в том числе, с учетом конструкции однополярного мира. Кстати это элемент этой конструкции, прямо подписанный в документах.

Второе: национальная система собственности. Вообще-то, ее нет. Ее нет в части крупной собственности. А собственность – это основа национальной свободы. Вы не найдете ни одной крупной российской компании, которая бы не была в российской юрисдикции. По сути, если юридически смотреть, у нас вообще нет, кроме государственных, конечно, крупных национальных компаний. Они все в иностранной юрисдикции. Соответственно, это связано со многими проблемами. Но когда речь идет о стопроцентном механизме, то, естественно, это уже не вопрос каких-то случайных историй, а это вопрос системы. Эта система прямо связана с системой однополярного мира, ее необходимо решать. И вообще, это не очень эффективно, когда для того, чтобы стать богатым человеком россиянину, ему необходимо стать бизнесменом другой страны. А это факт. Я говорю не о малом или среднем бизнесе. Это факт российской экономической системы. И эти проблемы – ни первая, ни вторая – не поднимаются. И это тоже отдельный момент. Их пора ставить в повестку дня для обсуждения решения.

Я не буду говорить о деталях, чтобы не уходить на длинное обсуждение. Кстати, прямо отсюда вытекающая проблема национальных элит. Они не национальные. В большей степени у нас российские элиты, следуя за своей собственностью, автоматически не носят в полном объеме национального статуса – ни по месту жительства, ни по основной недвижимости, ни по будущей пенсии, ни по учебе детей, ни по многим другим проблемам. И это вопрос, который еще лет десять нельзя было обсуждать, просто было не до этого. Сегодня он постепенно начинает входить в повестку дня, его нужно будет решать власти содержательно.

Ну, и, кстати, примыкающая к этому и политическая система, потому что, понятно, что политическая система опирается на элиты, и говорить о том, что она отражает национальные интересы, мы не можем.

Упомянутый инновационный тип экономики. Я бы добавил: и экспорт российских ученых. Потому что это прямо связанные между собой процессы. Мы являемся одним из крупнейших спонсоров мировой экономической системы в плане российских ученых. Мы их экспортируем вместо того, чтобы экспортировать их продукцию. Их продукция – это интеллектуальная собственность, технологии. И это прямо связано с типом российской экономики. Отсутствие в России, в общем-то, элементарных, я бы сказал, рыночных механизмов в области науки как системы. Это и есть тип российской экономики. Что такое инновационный тип экономики во всех странах? В Соединенных Штатах, в Европе? Очень просто. Отличие на сегодня от так называемого сырьевого типа. Это наука работает на заказ (прикладная, не фундаментальная, естественно). Работает на заказ и является крупнейшим объектом бизнеса, в котором обычно работают богатейшие люди этих стран. У России этого вида бизнеса нет вообще как системы. Это рынок технологий – у России его нет. Разница с рынком технологий в Соединенных Штатах по

объемам продаж в 100 000 раз. Все измеряется в этом случае в рублях или в другой валюте. И это так называемая промышленность на базе капитализированной интеллектуальной собственности. То есть постиндустриальная промышленность. Ее тоже в России нет, соответственно, нет спроса на науку. Фактически, в этой ситуации отсутствует место для российских ученых. Просто рабочее место. Нет денег, которые бы попали в науку. А государственные деньги имеют другой статус, у них на порядок ниже эффективность.

Соответственно, это тоже большая проблема. И здесь я бы говорил о том, что в мировом плане, конечно, что поправка Джексона-Веника, например, это прямое воздействие, направленное на ограничение технологического развития, и это тоже неправильно с точки зрения долгосрочных партнерских отношений и, скажем, равенства в этих вещах. Я не говорю о том, что почему-то по требованию международных экспертов при вступлении во Всемирную торговую организацию из российского законодательства исключили такой вид собственности, как – это уже для профессионалов – как информация, которая есть во всех странах как вид собственности. И в России она была в 4-й части ГК. По требованию, опять же, международных экспертов. А информация – это основа рынка научной собственности, научной пирамиды собственности. Значит, мы по этой причине не можем отладить нормальную инновационную экономику. Просто потому что нас в рамках конкурентного воздействия попросили ввести самоограничение на развитие – я так мягко скажу. Плюс – куча законодательства в таможене. Россия – вообще единственная страна, которая при ввозе высокотехнологичного оборудования требует согласия владельца интеллектуальной собственности. А это барьер абсолютно конкретный. Ну, и много чего еще.

Значит, это уже вопросы, выходящие за рамки технического, экономического законодательства. Например, коррупция. Конечно, для России она абсолютно неприемлема. Но давайте откроем глаза и честно скажем: крупная коррупция невозможна без международной поддержки. Нет ни одного крупного коррупционера, который бы не использовал иностранные счета, не хранил бы там деньги. Часто сам факт коррупционных действий происходит в иностранной юрисдикции. Ну, как, допустим, закупка автомобилей «Мерседес», известная вам. Все события произошли в других странах, а там никто даже не думает возбуждать уголовные дела. И это тоже элемент сегодняшней конструкции однополярного мира по отношению к Российской Федерации. Я абсолютно прагматично к этим вопросам подхожу.

Информационная политика. Я вам скажу, что не устраивает нас на сегодняшнем этапе. На сегодняшнем этапе нас не устраивает та система рейтингов, которая стимулирует формирование негативного фона во всех средствах массовой информации. И вопрос формирования национальной системы рейтингов, саморегулирования СМИ, конечно же, уже назрел и перезрел, и его тоже нужно будет решать, в том числе, в контексте мирового переговорного процесса. Ну, мы живем в этом мире.

То есть я хотел бы сделать такой вывод: нам надо расширять формат сотрудничества, в том числе, и с крупнейшими мировыми странами, не только с целью решения проблем ПРО, но и с целью решения проблем, ограничивающих развитие России, не дающих России пробить определенный потолок своего социального, экономического и системного развития. Я надеюсь, что мы будем сотрудничать с ведущими странами и найдем понимание для решения этих проблем.